

УДК: 81'42 : 821.161.1-4

ПРИЁМЫ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В СОВРЕМЕННОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ

Е.Н. Брызгалова, Л.Н. Скаковская

В статье рассматриваются особенности использования приёмов языковой игры в современной публицистике на материале публикаций Д. Быкова и В. Новодворской. Языковая игра принимает в современных публицистических текстах самые разные формы. Для её актуализации используются прецедентные феномены, в качестве которых выступают известные аудитории литературные произведения, персонажи, имена литераторов, фильмы и др. Проанализирован ряд публицистических статей Д. Быкова и В. Новодворской и выявлены основные приёмы языковой игры.

Ключевые слова: приёмы языковой игры, публицистика, статья, прецедентный феномен, «чужое слово», Д. Быков, В. Новодворская.

Проблема языковой игры остается одной из актуальных в современной науке, несмотря на то, что постоянно появляются работы по лингвистике [Болдарева 2002; Сниховская 2004], журналистике [Ильсова... 2018; Савицкий 2010], культурологии [Городецкая 2007], литературоведению [Игнатъева, 2012] и на стыке этих и других направлений (например, этнолингвокультурология [Свиридова 2016]). По мнению одного из исследователей, «многообразие подходов к данному явлению обусловлено тем особым влиянием, которое имеют в современном обществе коммуникативные технологии с их богатым арсеналом вербально-выразительных средств» [Негрышев 2006]. Интересным и продуктивным направлением научных поисков в данной сфере можно назвать изучение языковой игры в современной публицистике, поскольку это наиболее динамичный пласт словесного творчества. Публицистический дискурс отличается огромным многообразием стилей, средств, подходов и т. д. Учёные исследуют данное явление в рамках различных дискурсивных кодов и практик с целью более детального изучения современных процессов коммуникации.

В современной науке языковая игра воспринимается, как правило, с нескольких точек зрения. С одной стороны, как осознанное нарушение нормы с целью создать определенный эффект и вызвать эмоциональный отклик у адресата [Болдарева 2002]. С другой стороны, как возможность проявления творческого потенциала языковой личности [Свиридова 2016], с третьей – с целью изучения лингвокреативного поведения человека [Циплякова 2014]. Если не углубляться в лингвокультурологическую составляющую данной области, то важно отметить, что, фактически, языковая игра – это один из коммуникативных приёмов, нацеленных на привлечение внимания реципиента, вовлечения его в диалогические отношения с автором. В этом плане современная публицистика (и особенно колумнистика, о которой и пойдет речь в данной работе) демонстрирует множество видов, способов, средств формирования игрового пространства и выстраивания взаимоотношений между

автором и читателем. Современные учёные рассматривают языковую игру и с точки зрения развития манипулятивных возможностей воздействия на аудиторию, что тоже в первую очередь характерно для журналистики.

Как уже отмечалось, публицистический дискурс наиболее динамичен, поскольку традиционно нацелен не только на информирование аудитории, но и на самовыражение автора. Он диалогичен по самой своей сути: публицист не стремится к монологу, ему важно «расшевелить» читателя, заставить его согласиться со своим мнением или противостоять ему. Роль языковой игры в публицистике чрезвычайно велика. В этом плане продуктивно обратиться к колумнистике – явлению, появившемуся в журналистике с распространением Интернета и предполагающему диалогическое общение автора и аудитории. Колумнистами обычно выступают мастера публицистики, способные быстро откликаться на происходящие события, виртуозно владеющие пером и обладающие талантом общения с аудиторией. Конечно, каждый публицист, ведущий колонку в популярном издании, обладает собственным взглядом на происходящее и стремится к оригинальности мысли и языка. Но при этом существует ряд приемов и средств языковой игры, которые используются всеми колумнистами в той или иной степени. Обратимся к самым популярным.

Характерный пример – статья Д.Л. Быкова «Правильный выбор Маргариты Симоньян» [Быков 2018]. Публицист ведёт в журнале «Сноб» постоянную колонку и откликается на события, вызвавшие наибольший интерес аудитории. Оперативность и апелляция к поводу – одна из характерных черт колумнистики. В данном случае поводом послужило широко обсуждаемое мировыми СМИ интервью М. Симоньян (канал «Russia Today») с двумя подозреваемыми по делу отравления Скрипалей. Если посмотреть на статью Д. Быкова с точки зрения интересующей нас темы, то нужно отметить, что центральным приёмом создания текста в данном случае является широкое использование прецедентных феноменов, которые современной наукой рассматриваются как одно из самых действенных средств актуализации языковой игры [Жаева 2012]. В игровом пространстве данного текста, на наш взгляд, используется сразу несколько стратегий с целью привлечения внимания аудитории.

Как известно, прецедентность – одна из центральных характеристик современной журналистики [Сметанина 2002]. Прецедентным феноменом может стать всё, что угодно: фильм, песня, анекдот, художественное произведение, литературный персонаж, арт-объект и т.д. Единственное условие – широкая известность. Поэтому по использованию тех или иных образов и реалий можно судить и о том, какой аудитории адресован текст. В этом плане статьи Д. Быкова интересны тем, что в них прецедентность как основа языковой игры становится не просто стилистическим украшением, а сюжетообразующим началом, если использовать литературоведческую терминологию. Она просто пронизывает текст, проявляется во множестве деталей, аллюзивных отсылок, апелляций к читательской памяти и жизненному опыту. Мы не ставим своей целью обнаружить и проанализировать все

элементы прецедентности, обратимся к основным приёмам, совокупность которых позволяет автору создать совершенно уникальный текст, рассчитанный на разноуровневую аудиторию.

С одной стороны, Д. Быков апеллирует к кинематографу как наиболее массовому и демократичному виду искусства с многомиллионной аудиторией, а с другой – привлекает читателя, свободно ориентирующегося в мировой классической литературе, т.е. образованного, способного выстраивать сложные ассоциативные связи и усматривать аналогии между классическим текстом и происходящими событиями.

Очень важным моментом в языковой игре является мастерство использования «чужого слова» (естественно, «слово» в данном контексте понимается предельно широко): оно должно органично войти в новый текст и обогатить его за счет включения новых смысловых ассоциаций и обретения новой эмоциональной окраски. Таковым в тексте Д. Быкова становится обращение к фильмам о Джеймсе Бонде и к «Титанику». В довольно протяженной во времени «бондиане» из фильма в фильм неизменной остается форма представления героя собеседнику: «Бонд. Джеймс Бонд». Именно эту фразу и использует публицист: «Конспирологи, которым везде мерещатся коварные англосаксы с их суперпрофессиональной разведкой, давно поняли, что Скрипалей отравил Бонд. Джеймс Бонд...» [Быков 2018]. Упоминание формулы самоименования киногероя выражает ироничное отношение публициста к данной интерпретации произошедшего: он не верит в её правдивость и достоверность. Поэтому и использует образ киношного шпиона, не имеющий ничего общего с реальностью.

Другой кинообраз – тонущий «Титаник»: «И её (М. Симоньян – Е. Б., Л. С.) чутьё подсказывает, что с этого «Титаника» пора прыгать, потому что другого способа дистанцироваться от него в открытом океане нет» [там же]. «Титаник», в понимании Быкова, нынешний политический строй в России. Трагедия корабля, растражиженная современной массовой культурой, в любом контексте воспринимается как нечто неотвратимое и тотальное: если это «Титаник», то нужно спешить спастись, или утонешь вместе с ним.

Есть пример и более сложного и опосредованного использования приёма интертекстуальности, отсылающий читателя к кинематографу. В названии фильма «Москва слезам не верит» прецедентность, что называется, лежит на поверхности и много раз обыгрывается и в репликах героев, и в сопровождающей действие песне и в стилистике видеоряда. Известная поговорка, использованная создателями фильма в качестве заглавия, трансформируется в судьбах главных героинь и обретает новый смысл. Используя данную фразу в тексте статьи, Д. Быков актуализирует сразу все смыслы, известные читателю – и изначальный, и «кинематографический»: «Москва слезам не верит, а наглых и дерзких любит, она за их счёт подпитывается свежей кровью, потом высасывает и выбрасывает...» [Быков 2018].

Обращаясь к общеизвестным образам, Д. Быков как бы приглашает к диалогу самую широкую аудиторию. Таким образом, приведенные цитаты позволяют судить об одном из приёмов языковой игры в публицистике Д. Быкова: апелляции к образной памяти читателя. Характерно, что прецедентный феномен всегда наделен эмоциональной составляющей, которая так же важна, как и смысловая, поскольку именно она в большей степени формирует смысл вновь создаваемого текста: «Речевое воздействие и собственно информирование вступают в диалог, результатом которого становится совокупный смысл сообщения» [Сметанина 2002].

Одним из приёмов языковой игры в данной статье становится использование в качестве прецедентного феномена отсылки к тексту самого интервью, вызвавшего множество споров и комментариев. Один из его участников в ответе на вопрос о цели приезда в Солсбери, сказал о желании посмотреть на знаменитый собор, назвав его не Солсберийским, что соответствует правилам, а Солсберецким. Именно на эту неправильность обратили внимание многочисленные интернет-критики, и её же обыгрывает автор: «... несут какую-то чушь о двух подряд поездках в Солсбери на предмет любования Солсберецким собором – короче, были они отравителями или нет <...>, но прикрытие их никуда не годится» [Быков 2018]. Слово «Солсберецкий» становится своеобразным кодом, подающим читателю сигнал: автор присоединяется к той аудитории, которая уже обратила внимание на эту деталь и иронически охарактеризовала её.

Не будем забывать, что главной темой статьи является не интервью с возможными отравителями, не вопрос о том, участвовали его герои в отравлении или нет, а личность интервьюера – М. Симоньян. Об этом автор говорит в самом начале текста. В раскрытии этой магистральной темы использованы другие, более сложные формы языковой игры. Дальнейшее повествование строится на развитии сложных ассоциативных связей с образом Эжена де Растиньяка – одного из героев «Человеческой комедии» Оноре де Бальзака и в частности его романа «Отец Горио». Основу ассоциативности публицист усматривает в общности типажа: «... у нас сейчас таких много» [Быков 2018]. Рассуждая о данном типе личности, автор употребляет множественное число – Растиньяки или конструкцию «как всякий Растиньяк», придавая нарицательный характер имени собственному и подчёркивая общность литературного персонажа с героиней своей статьи и некоторыми другими медийными лицами сегодняшнего дня: провинциальное происхождение, готовность ради карьеры на компромиссы с политическим строем, целеустремленность и др. Постоянно напоминая читателю о перипетиях жизненного пути бальзаковского героя, публицист выстраивает диалогический контекст: «Что вам делать, если вы, как всякий истинный Растиньяк, намерены сохранить лицо?» [Быков 2018]. Это придаёт тексту полемичность, выражает желание автора оспорить жизненную позицию своего героя, доказать читателям, что эта позиция приведёт к краху.

Таким образом, в статье Д. Быкова использованы различные приёмы языковой игры как основы публицистического текста. Быков обращается к аудитории, которая способна ориентироваться в игровом пространстве и оценить как вполне конкретные аналогии, так и тонкую иронию аллюзивных намеков.

Другой яркий пример активного использования языковой игры – публицистика В.И. Новодворской, к которой мы уже обращались [Брызгалова 2017]. Новодворская в течение нескольких лет вела колонку в журнале «Новое время», публикуя небольшие по объёму статьи, написанные по определённому поводу, как и положено всякому колумнисту. Если взглянуть на эти многочисленные статьи как на некую целостность, то прежде всего бросается в глаза обилие литературного материала, использованного в качестве прецедентных текстов. В отличие от Д. Быкова, В. Новодворская старалась вовлечь читателя в диалог, используя в качестве аргументов литературные аналогии: «*Помните* (здесь и далее выделено нами – Е. Б., Л. С.), царь Федор Иоаннович в пьесе Алексея Толстого читает письмо царя Иверии...» («Жалость». 2006. № 9¹); «*Помните*, что говорит об этом герой «Всей королевской рати» Уоррена?» («А ну-ка, девушки». 2006. № 37); «...вспомните, что ответил Толстой американскому корреспонденту...» («Цветы не для букета». 2000. № 15) [Новодворская].

В политическом дискурсе, к которому и относятся в конечном счёте все публикации Новодворской в «Новом времени», велика роль полемики. Считается, что «на адресата влияет тот текст, который представляется ему истинным, а его истинность зависит от ... степени совпадения когнитивных установок или ценностных ориентаций автора и адресата» [Калашаова 2006]. Благодаря подобной авторской стратегии, читатель вовлекается в общий разговор, причем на правах соратника, разделяющего взгляды автора на ту проблему, о которой идет речь. Если же подразумевается читатель-оппонент, то авторский тон становится более эмоциональным, как и во всяком споре, когда чувствуется сопротивление противника: «А ”Демона” не хотите ли? Демон – инсургент, демон – оппозиционер (радикальный)... Народность? Это вы про что? Про ”мундиры голубые” и ”покорный им народ»? Про элиту, полупочтенные представители которой ”пред властью презренные рабы”?» («Вперед, зиме навстречу». 2009. № 36) [Новодворская].

В колумнистике Новодворской апелляция к литературным произведениям, художественным образам, к известным именам литераторов встречается повсеместно. Пожалуй, редкая статья обходится без соотнесения с литературой. Литературный фон во всех текстах (и даже в тех, которые тематически никак с художественным наследием не связаны) очень насыщен и многогранен. Обращение к литературным произведениям и к именам литераторов может сопровождать любую мысль автора. При этом

¹ Здесь и далее в круглых скобках указано название публикации в журнале «Новое время», год и номер журнала.

Новодворская даже не заставляет читателя напрягать память, а просто даёт цитату, которая ей представляется уместной: «Рядом с единым учебником всегда будут стоять они, Солженицын и Тендряков. "Наши мертвые нас не оставят в беде, наши павшие, как часовые..." (Владимир Высоцкий)» («Часовые правды». 2013. № 120) [Новодворская].

Подобных примеров множество. Например, рассказывая о судьбе Б. Пастернака («Загнанный поэт». 2013. № 33), В. Новодворская сопровождает текст строчками из стихов А. Галича: «Аутодафе состоялось 27 октября 1958 года: исключение из Союза писателей и предложение выслать из СССР. "И не к позорному столбу колесованием, а как поленом по лицу – голосованием"» (А. Галич)». Духовная напряжённость текста как бы поддерживается стихотворными строками, которые противоречат друг другу, потому что автор использует стихи не только А. Галича, эмоциональная тональность которых созвучна жизненной трагедии Пастернака, но и строки из стихотворения С. Михалкова, выражающие официальную позицию, а потому вызывающие отторжение у публициста: «Под звуки михалковского гимна вспоминайте этот его стих: "Антисоветскую заморскую отраву варил на кухне наш открытый враг. По новому рецепту, как приправа, был поварам предложен пастернак. Весь наш народ плюет на это блюдо: уже по запаху мы знаем, что откуда!"» («Загнанный поэт». 2013. № 33) [Новодворская].

В финале, как одной из самых сильных позиций любого текста, завершающим аккордом развития трагической темы травли и кончины поэта звучит ещё одна цитата из А. Галича: «Опять над Москвою пожары и грязная наледь в крови. И это уже не татары, похуже Мамаю – свои! В предчувствии гибели низкой Октябрь разыгрался с утра, цепочкой, по Малой Никитской, прорваться хотят юнкера. Так вот она, ваша победа! Заря долгожданного дня! "Кого там везут?" – "Грибоеда". – Кого отпевают? – Меня!» (А. Галич. "Памяти Живаго")» («Загнанный поэт». 2013. № 33) [Новодворская]. Финальное усиление темы подчёркивается трагизмом судьбы самого А. Галича – читатель всё это учитывает и проецирует на восприятие жизни того времени в целом. Автор статьи тем самым опосредованно утверждает изначальную враждебность строя по отношению к талантливым поэтам, чье творчество не укладывалось в дозволенные рамки. Таким образом, цитирование как один из приемов языковой игры становится одним из самых сильных аргументов в политической дискуссии на тему «Поэт и власть».

Известно, что политические взгляды В.И. Новодворской отличались радикальностью и неприятием ни социалистического строя, ни современного режима. Она всегда была верна своим принципам и не сдавалась на милость ни превосходящих сил противника, ни оппонентов. Можно и не разделять её взглядов, но её позиция вызывает уважение своей последовательностью и бескомпромиссностью. Поэтому по какому бы поводу ни создавался текст, основная его мысль всегда оставалась современной и касалась российской жизни. А вот аргументация этой мысли могла быть различной – из русской или мировой классики, из современной поэзии или прозы, из советской литературы.

Обращаясь к общеизвестным художественным образам, публицистка далеко не всегда использовала цитирование. Она могла выстроить композицию, основанную на литературной аллюзии. При этом она была абсолютно уверена, что читатель хорошо знаком с первоисточником. Примером может служить статья «Цветы не для букета» (2000. № 15), в которой автор обращается к повести Л.Н. Толстого «Хаджи-Мурат», чтобы провести аналогию между кавказскими конфликтами XIX в. и современными. Языковая игра в данной статье основывается на нескольких принципах. Для понимания авторского замысла, нужно вспомнить о том, как построен толстовский текст: повествование о Хаджи-Мурате обрамлено рассуждениями рассказчика о цветах и репейнике, который так и не подошел к букету. Статья в «Новом времени» строится по тому же принципу, только цветок репейника соотносится не с конкретным человеком – Хаджи-Муратом, а со всем кавказским народом (без национальных различий) – с «горцами»: «Так что если какой-то цветок не годится в венок, букет или салат, не надо его выкорчевывать. Может быть, он уникален» («Цветы не для букета». 2000. № 15) [Новодворская].

Композиция текста в сочетании с литературным фоном, на наш взгляд, тоже может рассматриваться как один из приёмов языковой игры. Достаточно часто текст имеет кольцевую композицию, благодаря чему к финалу читатель логически подведен автором и просто обязан согласиться с ним, как, например, в статье «Тютчев собеседник олимпийцев» (2013. № 40). Начальная фраза текста сразу же задает тему: «Благодаря великому поэту мы знаем, что скажут потомки о путинском ”железном веке”» («Тютчев собеседник олимпийцев». 2013. № 40). В финале автор ещё раз повторяет начальную фразу, слегка её изменив: «Благодаря Тютчеву мы знаем, что скажут потомки, когда закончится путинский ”железный век”» (там же) [Новодворская].

Смысл начальной фразы раскрывается на протяжении всего развития сюжета, а финал подводит итог рассуждениям публициста: «Этими строфами поэт проводил Николая I: ”Не Богу ты служил и не России, служил лишь суете своей, и все дела твои, и добрые и злые, – все было ложь в тебе, все призраки пустые: ты был не царь, а лицедей”» («Тютчев собеседник олимпийцев». 2013. № 40) [Новодворская]. Как видим, тютчевская цитата, обращенная к Николаю I, проецируется на современность и выражает отношение публицистки к политическим реалиям наших дней.

Кольцо в подобных статьях всегда замыкается в финале, который и объясняет читателю те сюжетные повороты, которые встречаются на пути развития темы, и подводит итог рассуждениям, и всегда выводит тему на современность, и выражает незыблемость политической позиции автора, основанной на полном неприятии существующего строя.

В статье «Часовые правды» (2013. № 420) «поводом» и, следовательно, основной темой становится известие о том, что будет создан единый учебник по истории России XX века. Автор скептически относится к этой идее, что ясно уже из первой фразы текста: «Зря трубадуры реставрации хлопочут: поздно пить советское шампанское за единый беспечальный и бесконфликтный

учебник истории. Ложь уже отвалилась навсегда, и немалую роль в этом сыграли два писателя, двое часовых правды: Александр Солженицын и Владимир Тендряков» («Часовые правды». 2013. № 42) [Новодворская]. Как видим, начальная фраза и поясняет заглавие, и вводит в текст в качестве аргументации позиции автора два имени писателей, чье творчество, по мнению публицистки, подтверждает её мысль. В дальнейшем рассуждения о произведениях писателей и цитаты из них аргументируют её позицию. А финальная фраза: «Можно хоть всю страну закидать до крыш ”едиными учебниками”. И все перевесит Слово, слово Солженицына и Тендрякова», – подводит итог этим рассуждениям [Новодворская].

Другая схема построения реализована в статье «Ославим царствие чумы» (2014. № 37), где особая роль отведена слову «чума», которое наделено особой смысловой нагрузкой, поскольку является прецедентным текстом. Статья посвящена празднику 7 ноября, о чем и сообщается в начальной фразе текста: «Роковая дата 7 ноября навсегда разделила человечество на две части: на гуманистов и живодеров, на порядочных людей и подонков, на здравомыслящих и фанатиков» («Ославим царствие чумы». 2014. № 37) [Новодворская]. Слово «чума» после заглавия не встречается достаточно долго. В середине текста появляется упоминание об А. Камю, день рождения которого тоже приходится на 7 ноября. Автор говорит: «Тем важнее для нас то, что 7 ноября 1913 года, 95 лет назад, родился Альбер Камю – великий писатель и великий человек, антифашист и антикоммунист» («Ославим царствие чумы». 2014. № 37). А в финале автор приводит цитату из «Чумы» А. Камю, к тому же не называя источник цитирования. Это увязывает название статьи с её содержанием, потому что слово «чума», заявленное в заглавии, впервые в тексте появляется именно в этой цитате: «Бациллы чумы никогда не умирают окончательно...». Потом, в конце цитаты, оно повторяется ещё раз: «Чума разбудит своих крыс и пошлет их умирать в беспечный и веселый город». Третий раз слово дано после цитаты – в отсылке к первоисточнику: «(А. Камю, ”Чума”))» [Новодворская]. Таким образом, автор использует название произведения французского писателя и располагает его в самой сильной позиции, поскольку название Камю – последнее слово в тексте Новодворской. Слово «чума», трижды повторенное в финальном абзаце текста, играет исключительную роль. Возникает своеобразная прецедентная цепочка, объединяющая заголовок и финал. Она придает тексту более глубокий, символический, смысл: проясняет название и выражает оценку автора и по отношению к празднику 7 ноября, и по отношению к Камю, и по отношению к современной российской действительности в целом – что и было её задачей по большому счёту, потому что именно ради этого была написана статья.

Одним из самых частотных приёмов языковой игры в современной публицистике, журналистике и – в целом – массовой культуре стало название текста, в котором представлено самое широкое использование «чужого слова» [Серкина 2014]. Можно привести сотни самых разных примеров. В колумнистике В. Новодворской очень много подобных заглавий и среди них

можно встретить самые разные модификации. Например, с прямым цитированием чужих названий: «Скверный анекдот» (2006. № 41) – рассказ Ф.М. Достоевского; «Братья и сестры» (2006. № 32) – роман Ф.А. Абрамова, или с цитатой из известного произведения: «Кто там шагает правой?» (2005. № 39) – строка из стихотворения В.В. Маяковского «Левый марш».

Встречаются заголовки другого типа, в них известные читателю слова несколько изменены: «Не падайте духом, поручик Куприн» (2010. № 28) – слова из популярной песни о трагедии русского офицерства времён гражданской войны переадресованы писателю А.И. Куприну (тоже начинавшему свой путь офицером в начале XX в.); «На братских могилах не ставят столов» (2006. № 22) – строка из песни В.С. Высоцкого, в которой «кресты» изменены на «столы». Замена коренным образом изменяет смысл, прибавляя к трагедии насмешку.

Изменяя, перефразируя известные слова, В. Новодворская придает им новый смысл, как бы интригуя читателя: о чём же пойдёт речь в статье? Известно, что подобная практика в журналистике применяется очень широко, но заголовки Новодворской, в отличие от других, почти никогда не проясняют предстоящей темы и могут быть поняты только после прочтения всей статьи: «Печальный демон, дух терзанья» (2008. № 13); «Во глубине бостонских руд» (2010. № 33); «Добрый человек из Индостана» (2009. № 34).

Встречается и частичное цитирование, когда берется фрагмент известной фразы и ничем не дополняется: «Лев Толстой как зеркало» (2013. № 28); «А клоуны остались» (2011. № 41). В первой фразе не хватает «русской революции» – окончания названия статьи В.И. Ленина, а во второй – отсутствует начало: «цирк уехал». В обоих случаях «отсечение» части цитаты дает автору возможность обнаружить в известных словах новый смысл. В статье о Л.Н. Толстом в конечном счёте речь идёт о кавказских, а вернее, о чеченских проблемах наших дней. Классик писал о Кавказе, поскольку принимал участие в военной кампании в тех местах. Во многом основываясь на толстовских произведениях, публицистка рассуждает о положении чеченцев в наши дни, а реалии из повестей придают её рассуждениям глубину и подчеркивают трагизм происходящего.

Возможны и более сложные взаимоотношения с первоисточником, который не цитируется напрямую, но читателю достаточно аллюзии для понимания: «День Паниковского» (2010. № 43) (фамилия героя из романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок»); «Несите Белинского с базара» (2011. № 19) (читательский опыт подсказывает строку из «школьного» стихотворения Н.А. Некрасова «...Белинского и Гоголя с базара понесут»); «Медный всадник против бедного Евгения» (2004. № 5) (актуализируется смысл пушкинского произведения); «Грузите баксы коробками тчк Братья Карамазовы» (1996. № 50).

Использование данного приёма языковой игры запускает процесс интеллектуализации текста за счёт смыслового усложнения. Он сопровождается вовлечением читателя в новые отношения с автором. Читатель

и автор вступают в игру, в условиях которой роли распределяются следующим образом: автор, строя заголовок на использовании «чужого слова», загадывает читателю загадку, давая подсказки, указывая на направление поисков в расшифровке собственного замысла. Читатель, разгадывая, в процессе чтения текста прикладывает определённые интеллектуальные усилия, активизирует собственную память, устанавливает ассоциативные связи с теми именами, произведениями, образами, которые задействованы в статье, актуализирует тот культурный багаж, который собирает и накапливает в течение всей своей сознательной жизни. И в результате читатель не только понимает, что хотел ему сказать автор, но и испытывает удовольствие от игры, оказываясь на равных с публицистом. Это уже диалог, а не простое «потребление». В этом плане тексты В. Новодворской могут служить образцом процессов игрореализации, характерных для современной публицистики.

Эмоциональное наполнение подобных интертекстуальных заголовков в статьях В. Новодворской отличается разнообразием. Иногда явно слышится ирония: «Не обещайте деве юной халявы вечной на земле» (2001. № 3); «Россия № 6» (2009. № 1). Замена в цитате «любви» (а все помнят романтически возвышенный фильм о декабристах «Звезда пленительного счастья») на стилистически сниженную «халяву» не просто порождает языковую игру, а становится источником возникновения иронического смысла. Во втором примере чеховская «Палата № 6» расширяется до границ страны.

В ряде текстов прецедентное заглавие напрямую соотносится с содержанием и через цитирование указывает, что речь пойдёт об авторе цитаты: «Я приснюсь тебе чёрной овцою» (2014. № 21) – строка из стихотворения А.А. Ахматовой сразу же «сигнализирует» читателю: в статье говорится о знаменитой русской поэтессе. Даже искажённое цитирование указывает на героя статьи: «Путешествие из Петербурга в Илимск» (2014. № 26) – в этом заглавии название произведения А.Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» накладывается на реалии его собственной судьбы – ссылку в Илимский острог – и позволяет автору проводить исторические параллели. Встречаются и более сложные ассоциации.

Например, в статье «Конь блед» (2014, № 37) речь идёт об И.Э. Бабеле – участнике Гражданской войны, писателе, авторе повести «Конармия», расстрелянном в конце 30-х гг. XX в. Само название статьи имеет несколько «адресов». Самый основной смысл восходит к Библии. Конь «блед» (т.е. бледный, серый, в отличие от белого, чёрного и рыжего) везёт на себе четвёртого всадника Апокалипсиса, Смерть. Изображение всадников – один из сюжетов мирового искусства («Четыре всадника Апокалипсиса» А. Дюрера, «Воины Апокалипсиса» В.М. Васнецова и др.).

Названия литературных произведений: романа Б.В. Савинкова «Конь бледный», стихотворного цикла В.Я. Брюсова «Конь блед», конечно же, восходят к библейской традиции и интерпретируют изначальный смысл образа. Называя статью о Бабеле «Конь блед», т.е. «смерть», В. Новодворская представляет его одним из всадников революции, имевшей апокалиптический

размах кровопролития и смертей: «И когда настанет время, он оседлает Коня блед в Конармии и поскачет по земле Всадником Апокалипсиса...» (2014, № 37) [Новодворская]. По мнению Новодворской, Бабель во многом сам виноват в собственной смерти, поскольку нельзя было участвовать в кровопролитии Гражданской войны и воспевать тех, кто проливал кровь: «Он заглядывал в бездну, и в 1939 г. бездна пришла за ним. Те самые чекисты, которых он называл святыми и хотел писать о них роман, жестоко пытали его и расстреляли в уже знакомом ему подвале. Зло нельзя приручить или натравить только на других. Большой писатель И.Э. Бабель погиб от собственной руки. Нам остались его рассказы. И "Конармия" – свидетельство и орудие преступления!» («Конь блед». 2014, № 37) [Новодворская]. Как видим, смысл заголовка окончательно осмысливается в финале статьи.

Таким образом, в колумнистике В. Новодворской представлены яркие и действенные примеры использования приёмов языковой игры, позволившие автору аргументировать политическую полемику и донести до читателя собственные представления о российской действительности.

Подводя итог рассуждениям о роли языковой игры в современной публицистике, отметим, что изучение данной темы далеко от завершения, поскольку публицистический дискурс сегодня очень популярен и потому активно развивается. В творчестве других авторов, талантливых и самобытных, наверняка можно встретить какие-то иные способы и приемы формирования языкового пространства.

Список литературы

Брызгалова Е.Н. Десакрализация ценностей культуры в публицистике В.И. Новодворской // *Художественный текст: культурная традиция и медиареальность: коллективная монография*. Белгород; Бергамо, 2017. С. 128 – 136.

Болдарева Е.Ф. Языковая игра как форма выражения эмоций: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Е.Ф. Болдарева. Волгоград, 2002. 166 с.

Быков Д. Л. Правильный выбор Маргариты Симоньян [Электронный ресурс] // *Сноб*. 2018. 14 сентября. URL: <https://snob.ru/entry/165712> (дата обращения: 01.10.2018).

Городецкая Л.А. Лингвокультурная компетентность личности как культурологическая проблема: автореф. дис. ... докт. культурологии: 24.00.01 / Л.А. Городецкая. МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 2007. 54 с.

Жаева Р.Р. Способы актуализации языковой игры в публицистическом дискурсе (на примере прецедентных текстов) [Электронный ресурс] // *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2012. № 1 (49). С. 148–151. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/sposoby-aktualizatsii-yazykovoy-igry-v-publitsisticheskom-diskurse-na-primere-pretседentnyh-tekstov> (дата обращения: 23.09.2012).

Игнатьева Т.В. Языковая игра в художественной литературе: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Т.В. Игнатьева. РГУ им. С.А. Есенина. Вологда, 2012. 161 с.

Ильсова С.В., Амири Л.П. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы. М.: Флинта, 2018. 296 с.

Калашаова А.Ш. Политический дискурс: автореф. дис. ... канд. филол. наук [Электронный ресурс]: 10.02.19. Краснодар: Кубанский ГУ, 2006. 26 с. URL: <http://cheloveknauka.com/politicheskiy-diskurs> (дата обращения: 21.02.2018).

Космеда Т.А. Языковая игра – продуктивный прием современной эпохи (на материале газеты «Арт-мозаика») [Электронный ресурс] // Культура народов Причерноморья. 2002. № 32. С. 297–300. URL: <http://dspace.nbuv.gov.ua/bitstream/handle/123456789/75572/105-Kosmeda.pdf> (дата обращения: 13.05.2018).

Негрышев А.А. Языковая игра в СМИ: текстообразующие механизмы и дискурсивные функции (на материале газетных новостей) [Электронный ресурс] // INTER-CULTUR@L-NET. 2006. № 5. URL: <http://www.my-luni.ru/journal/clauses/98/> (дата обращения: 07.09.2018).

Новодворская В.И. Публикации в журнале «Новое время / The New Times» [Электронный ресурс]. URL: <http://newtimes.ru/archive/>.

Норман Б.Ю. Игра на гранях языка. М.: Флинта; Наука. 2006. 344 с.

Савицкий В.А. Игра как феномен журналистского творчества: дис. ... канд филол. наук: 10.01.10 / В.А. Савицкий; МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 2010. 186 с.

Свиридова Е.Е. Особенности языковой игры в творчестве С. Бенни: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05 / Е.Е. Свиридова; МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 2016.

Серкина В. Н. Прецедентные тексты в региональном медийном дискурсе [Электронный ресурс]: автореф. дис. ... канд. филол. наук.: 10.02.01. Саратов: СГУ им. Н. Г. Чернышевского, 2014. 20 с. URL: <http://www.sgu.ru/sites/default/files/dissnews/synopsis/2014/02/18/serkina.pdf> (Дата обращение: 01.12.2016).

Сметанина С.И. Медиатекст в системе культуры. Динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века [Электронный ресурс]: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.01.10 / С.И. Сметанина; СПбГУ. СПб., 2002. 378 с. URL: <http://www.dissercat.com/content/media-tekst-v-sisteme-kultury-dinamicheskie-protsessy-v-yazyke-i-stile-zhurnalistiki> (дата обращения: 07.09.2018).

Сниховская И.Э. Механизмы, средства и приемы языковой игры в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.14 / И.Э. Сниховская. Житомир, 2004. 219 с.

Цыплякова К.О. Типология фактов языковой игры в периодической публицистике XX века // Уральский филологический вестник. Серия: Психолингвистика в образовании. 2014. № 2. С. 105–113.

LANGUAGE GAME TECHNIQUES IN MODERN (SOCIAL AND POLITICAL) JOURNALISM

E. N. Bryzgalova, L. N. Skakovskaya

The article discusses the features of using language game techniques in modern journalism based on the publications of D. Bykov and V. Novodvorskaya. Language game takes a variety of forms in contemporary journalistic texts. For its actualization, precedent phenomena are used, which are literary works, characters, writers' names, films, etc., well-known to the audience. The author analyzed a number of journalistic articles by D. Bykov and V. Novodvorskaya and revealed the main language game techniques.

Key words: *language game techniques, journalism, article, precedent phenomenon, "foreign word", D. Bykov, V. Novodvorskaya.*